

«Почему Анчаров?»

Книга VI

**Материалы Анчаровских чтений,
статьи, отклики о творчестве
М. Л. Анчарова**

Галина Щекина
Почему Анчаров? Книга VI.
Материалы Анчаровских
чтений, статьи, отклики о
творчестве М. Л. Анчарова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44072683
ISBN 9785005034816

Аннотация

Перед вами очередной выпуск сборника «Почему Анчаров?», раскрывающий причины популярности романтика, шестидесятника, писателя, поэта, барда, художника и сценариста. Произведения Михаила Леонидовича обращены к самому широкому кругу читателей, поэтому и авторы сборника все разные – это и преподаватели, и профессиональные критики, и журналисты, и программисты. Особенность выпуска: в него включены не только статьи об М. Анчарове, но и о популяризаторах творчества М. Анчарова.

Содержание

Слово Анчарова	6
Анна Кашина. Сам себе учитель и ученик	6
Юрий Ревич. Некоторые черты	12
мировоззренческой системы Анчарова	
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Почему Анчаров?
Книга VI. Материалы
Анчаровских чтений,
статьи, отклики о
творчестве М. Л. Анчарова**

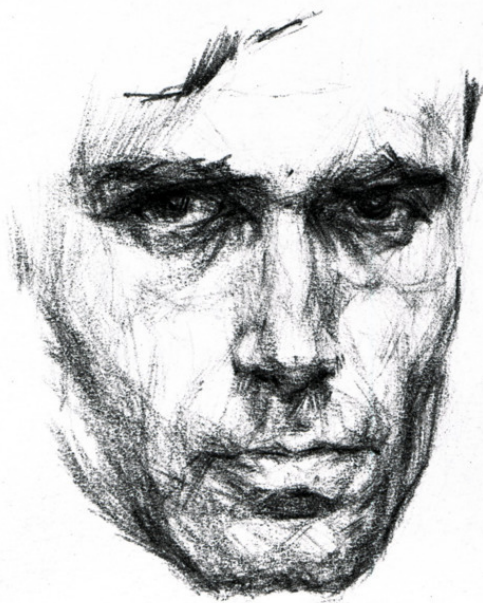
Составитель Галина Щекина

Корректор Любовь Молчанова

ISBN 978-5-0050-3481-6 (т. 6)

ISBN 978-5-4496-1939-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портрет. Рисунок М. Анчарова.

Слово Анчарова

Анна Кашина. Сам себе учитель и ученик

*Отзыв на роман Михаила Анчарова
«Записки странствующего энтузиаста»*

Роман Михаила Анчарова занимает не так уж много и страниц, состоит из 3 глав. Страницы эти написаны не только с большим писательским трудом и юмором, но ещё и с умыслом. Умысел мною расшифрован: с первых строк ясно – будет учить! Но как учить? Через муки героя и его душевные терзания, которыми и так переполнены все написанные кем-либо романы; через авторские умозаключения, которыми тоже не брезгуют и другие писатели, выпячивая свой ум и талант на фоне бедного, запутавшегося в жизни и несчастного героя; или через красоту, вникая в которую испытываешь катарсис, но которой полно в любом музее или концертном зале?

Учитель

Видим, что все эти приёмчики используются поочерёдно

и очень уместно. Сначала порцию-другую житейской психологии и самокритики, что так и хочется покопаться в себе: *«Я тогда был еще молодой умник и старался понять, каким из двух способов лучше забыть свои неприятности: читать книжки, где персонажам было еще хуже, чем мне, или такие, где они испытывали неслыханные радости? – И я читал все подряд, проверяя эффект на собственной шкуре»*. Кстати, словарь писательский пестрит такими разномастными словами, что похож на винегрет из просторечий, разговорных слов и терминов: *«Может быть, это роман идеалиста? Или сентименталиста? Или романтика? Или еще какого-нибудь брехуна, уклоняющегося от размышлений?»* Автор смело рекламирует свой роман в этом же самом романе, чтобы читатель не бросил чтиво на 3 странице: *«Я предупреждаю – будет рассказана история, которую никто не ожидает. Почему я так в этом уверен? Потому что. И больше вы от меня ничего не добьетесь»*. Разметка поля деятельности произведена автором быстро: основные борозды нарезаны, (временные отрезки), ориентиры даны уже в подглавках первой главы, где и проанонсированы путешествия несчастного героя из настоящего то в будущее, то в прошлое. Благодаря таким приёмам, как повторение (многократное упоминание о том, что герой находится на тропинке или в поезде, в мастерской художника, в институте, или на даче, например: *«Дорогой дядя! Когда еще мы жили на Буцефаловке...»*), а также такому приёму, как метафора и другие выра-

зительные средства языка (чтоб уж точно дошло), — автор добивается внимания читателя! И уже довольный собою, повествует спокойно и размеренно, добавляя милые, а иногда забавные детали то к образу героя, то к портретам других персонажей.

Свойство автора — устроить зазеркалье на полотне повествования. Когда зеркало стоит против зеркала и происходит бесконечное повторение отражений автора в одном зеркале, героя — в другом. Иногда автор практикует искусство безучастного взгляда на героя, чем, бесспорно, вызывает читательское сочувствие к нему, а иногда дёргает за рукав, даже заедается, капризничает: *«Вы заметили, сколько раз я употребил слово «я»? Порой даёт новые оценки давно известным истинам и понятиям с убедительными примерами: «Дети рождаются в условиях, которые сложились до их рождения. Извините за выделение. Но эта истина настолько проста, что не осознаётся никем».* Временами жульничает и подменяет понятия: *«Я прочёл довольно много моральных уставов... возлюбил ближнего своего. Тоже, знаете, две тысячи лет не срабатывает, и морская пехота ждёт Апокалипсиса».* А если не может выкрутиться — говорит просто: *«Ёлки-палки!»*

Весело читаются строки о пользе книг. Автор сходу рассортировал все когда-либо написанные книги на книги, способные влиять на сознание и тренировать душу, книги, которые *«давали силы выдержать жизнь»*, а в качестве примера

книг, учащихся жить, преподносятся книги *«двух-трёх классиков и несколько справочников»*. Им противопоставляются книги, которые *«не наматывают кишки на карандаш»*. Как хлёстко он расправляется с экспертами, например: *«Сколько из них пишут двумя руками в разные стороны. Хорошо живут!»* Или ведёт себя, как лектор в аудитории, который доносит до студентов изучаемый материал с паузами для записи. Например, рассуждения о гипсе и мраморе, живописи и фотографии, линиях и переломах, вере и политике, Ломоносове, Модильяни, Рембрандте...

Затем начинает вырисовываться сюжет, где не очень везучий, поначалу, писатель переживает за своё творчество и страдает от жизни. И все эти переживания и его «телесные и духовные» движения отображаются в романе передвижениями в прошлом, настоящем и будущем. Есть герой, есть его мысли, есть обстоятельства, в которых он находится, – вот вам и сюжет. Роман не о любви, хоть она в него просачивается благодаря ухищрениям автора и духовным поискам героя.

Вызывает интерес и хаотичность повествования. Оно то ускоряется, то замедляется. Автор, как нарочно, сшивает полотно романа довольно острой иглой иронии и сарказма. А нитка, за которую держится герой всеми силами, то рвётся, то запутывается. И лишь ближе к сердцевине сюжета – выравнивается. Тогда-то и появляются ровные, ритмичные стежки авторской мудрости, и читателю, наконец-то, стано-

вится уютно в ситуации чтения.

Ученик

У читателя постоянно возникает чувство дискомфорта, и даже жалость к герою, и обида за него. Временами автор предлагает ситуации, из которых герой вполне достойно выходит, но в основном – это курьезные случаи, где он как белая ворона. Умный, но нелепый. Читателю приходится пере скакивать из дома то в светлое будущее, где все непременно хорошо, то на тропинку, по которой пущен отчаявшийся герой с телеграммой в руке, то прыгать с ним в поезд до Тольятти, то в кровать с возлюбленной... а попутно расхлёбывать кашу из философствований об искусстве, жизни, снах, детях, культе личности, истории, славе, любви, смерти и природе людей... Например, *«Человек всегда в понедельник работает хуже, чем в среду»* или *«Поэзия – ностальгия по будущему»*, *«Музыка на тромбоне не то, что музыка на скрипке»*...

Была задача у автора научить – научил! Научил сначала своего героя быть счастливым безотносительно времени и пространства, а затем и читателя, то есть – меня. К тому же я расширила словарный запас! Богатый лексикон у Анчарова! Сочетает в одной фразе слова разных калибров, а смысл выходит – единый. Слова как бы подчиняются общему напору короткой, но обезоруживающей строки. И несут тот са-

мый смысл, который попадает прямо в сердце: *«Главное правило для художника – быть исключением. Хочешь не хочешь. Такая промышленность»*. И даже этот отзыв получился под впечатлением от прочитанного, и в подражательной манере, хоть я и не писатель вовсе, а так.

Юрий Ревич. Некоторые черты мировоззренческой системы Анчарова

Тема, которую я собираюсь затронуть, касается модных словечек толерантность и политкорректность. Кем угодно, но толерантным, терпимым к чужому мнению, писателя Анчарова назвать нельзя: он категоричен и безапелляционен в суждениях и оценках. У него нигде не встретишь смягчающих «по моему мнению» или «мне так кажется», зато полно менторских «а не кажется ли вам?». Заметим, что таким образом Анчаров всегда с блеском выполнял свою литературную задачу: довести мысль до читателя в предельно сжатой и понятной форме, но мы не об этом.

Вот меня еще давно и заинтересовал факт, что никто и никогда не упрекнул неpolitкорректного и категоричного писателя Михаила Леонидовича Анчарова в том, что сейчас принято называть «разжиганием ненависти и вражды». Достаточно взять текст песни «Антимещанская» и разобрать его детально, чтобы получить поводы к такому толкованию. Так почему же даже в наше время, когда толерантность приветствуется, а категоричность осуждается вплоть до Уголовного кодекса, мы у него этого не замечаем?

В нашей с Юровским книге-биографии эта тема в явном

виде не прозвучала – в достаточно объемном тексте и без того полно субъективных суждений вокруг да около. Некоторые фрагменты из книги прозвучат далее в качестве иллюстраций.

Начнем издалека. Один из самых распространенных в человечестве механизмов стабилизации собственного психического равновесия – поиск внешнего врага. Он естественно вытекает из фундаментального для человеческой психики разделения мира на «мы» и «они». В том, что у меня маленькая зарплата, что некуда отселить тещу, что корова дает мало молока, – всегда виноваты «они». Тут можно долго рассматривать, откуда что взялось, припомнить Канта с его изначальной моралью, углубиться в истоки религий и обязательно в Конрада Лоренца с его генетически обусловленными «программами поведения», но от понимания причин не изменится печальный, и, в общем, общеизвестный факт: победить стремление к такому делению не получается.

Все идеологи, духовные лидеры и власти испокон веков это использовали в своих целях и никогда не перестанут это делать. Не в них корень и причина этого явления: они всего лишь иногда инстинктивно, иногда сознательно направляют в нужную им сторону и без того самопроизвольно возникающие стремления в обществе. Евреи, кавказцы, коммунисты, капиталисты, интеллигенция, американцы, оппозиция, «врачи-вредители», либералы, националисты, исламисты, «понаехавшие», гомосексуалисты или, наоборот, про-

тивники однополых браков... можете подставить сюда кого угодно, примеры легко найдутся. Не направь власть имущие недовольство в нужную сторону – так это недовольство выплеснется в неуправляемой форме, и конечно же на самый близкий и очевидный объект, то есть на сами власти. А так почти всегда удастся найти громоотвод, и чем хуже живут люди, тем это получается проще. Вон Украина ныне громко страдает то ли от 70-летней советской оккупации, то ли от 400-летней русской (так и не разобрался, по какому поводу там страдания сильнее), Россия еще громче страдает от США, конечно же поставивших главной целью погубить русскую нацию, США, в свою очередь, на весь мир страдают то от засилья китайских производителей, то от российских хакеров или мексиканских мигрантов и так далее. Все это только небольшая часть примеров, которые сейчас у всех на виду.

Еще хуже, когда «они» – не конкретная чужая «стая», которая может и сдачи дать, а абстрактная социальная группа с не очень четко определенными рамками. Это всегда приводило к тому, что в русском языке называется емким словом «беспредел». Так было с «благородными» во Французской революции, так было с «богатыми» при большевиках, так было с евреями при Гитлере (и не только при Гитлере). Высший полет такого рода абстракций продемонстрировал режим Пол Пота в Кампучии в 1970-е годы – до сих пор не очень понятно, по какому признаку и кого именно за-

числяли в ряды подлежащих уничтожению врагов красные кхмеры. В нормальном состоянии человеку естественно выплескивать свое неприятие «этих» в анекдотах или в иронизировании над чужими привычками. А как только начинается активный поиск образа врага – это однозначный симптом неблагополучия в обществе.

Не очень внимательный и предвзятый читатель Анчарова, к тому же ничего не знающий о контексте и подробностях эпохи, в которую это все писалось, легко найдет в его произведениях признаки того же подхода. Михаил Леонидович, особенно в ранних произведениях, не слезал с мещан, категорично объявляя именно их виноватыми во всем – от преследования независимых поэтов в эпоху Возрождения до возникновения фашизма и развязывания Второй мировой в XX веке. Мало того, что он таким образом вроде бы следует классической канве поисков «врага» и деления на «наших» и «ихних», так он еще и выдвигает положительный пример «наших» в виде поэтов и художников, абсолютизируя творческий метод познания. И вроде бы так получается в результате, что творческая личность – все, а остальные – ничто, стадо баранов, которым положено не вякать, а следовать ценным указаниям пастырей-творцов.

Для человека, не обладающего особенными талантами в области творчества, имеется повод обидеться. Но почему-то обида не возникает: по сути у Анчарова в конце концов выходило нечто противоположное. Что там с положи-

тельными примерами, мы рассмотрим чуть позже, давайте сначала разберемся с отрицательными.

Прежде всего – зло, которое Анчаров видит в мещанстве, у него получается предельно абстрактным, деперсонифицированным. Искусный стилист и яркий художник при изображении конкретных людей, которые ему импонируют, он неизменно сбивается на штамп, изображение голой идеи, когда речь заходит об отрицательных персонажах. Анчаров настолько не способен проникать в образ мысли подлецов, диктаторов или карьеристов, что у него зачастую не находится собственных слов, и ему приходится заимствовать расхожие штампы из официальной пропаганды. Уже из критики его ранних попыток в части написания сценариев видно, что отрицательные герои у него выходят бледные и невыразительные, а конфликты штампованные и скучные (заметим в скобках, что Анчаров в этом отношении вполне достойный ученик своего кумира Александра Грина).

Вот характерный кусок из отзыва рецензента (подпись расшифровать не удалось) на сценарий «Солнечный круг»: *«Вартанов и Зоя у Анчарова говорят то, что сам автор о них думает. Т. е. Вартанов так и заявляет, что он сукин сын, а Зоя, что она стяжательница (я конечно, преувеличиваю – они говорят не совсем так, но именно в этом смысле). ... Редко люди так напрямую, как условные маски, делают заявления, что они плохие».* В 1966 году Всеволод Ревич писал в рецензии на фильм «Иду искать» об одном из от-

рицательных персонажей: *«Несколько перекарикатуренный Кучумов не выходит за рамки почти гостовского „консерватора-бюрократа“...»*.

Ровно то же получается с отрицательными образами и в анчаровской прозе. Как драматург и писатель Анчаров понимает, что без отрицательных персонажей сюжет не выстроишь, но ему скучно выписывать людей, которые ему не нравятся. Уже в произведшей неизгладимое впечатление на современников «Теории невероятности», немало страниц которой посвящено осуждению обывательского отношения к жизни, отрицательный герой Митя совершенно не тянет не только на «злодея», но даже не очень понятно, чего в нем такого отрицательного. Это объясняется на словах, следует из реплик остальных персонажей, но никак не воплощено в наглядных поступках. Ну, мы узнаем, что Митя противник «творческого подхода», пытается все разложить по логическим полочкам, но свое личное отношение к каким-то вещам и несогласие с оппонентами – даже не моральный проступок. Заметим, что Глеб из «Самшитового леса», который по идее тот же несколько модернизированный Митя, тянет на главного злодея еще меньше.

Самая, пожалуй, полнокровная попытка изобразить отрицательного персонажа в анчаровской прозе – марсианин из «Голубой жилки Афродиты». Но автор все равно в конце концов сбивается на примитивный шаблон: «марсианину» власть над миром, оказывается, нужна, чтобы ему вылизы-

вали... ну, понятно что именно заставили редакторы скрыть за эвфемизмом «поясница». В поздних произведениях подобные персонажи уже выходили абсолютно бестелесными, голыми символами – Анчаров вполне сознательно окончательно сбивается на карикатуру.

И получается, что Анчаров воюет не с «кем», а с «чем»: с этим самым обывательским отношением к жизни. Он даже наделяет это отношение узнаваемыми внешними признаками, которые с такой иронией высмеиваются в «Мещанском вальсе» и с почти «физиологической ненавистью» (цитата) клеймятся в «Антимещанской». Но и здесь мы наблюдаем процесс постепенного осознания того, что внешние признаки еще совсем не означают бездуховности. В одном из лучших своих рассказов «Корабль с крыльями из тополиного пуха» Анчаров это выразил прямо:

«Тут я обрадовалась, что он меня назвал по-старому – Шоколадка, и рассказала ему про все. Почти... Про Салтыкова-Щедрина, про здравый смысл, про мещанство и стала ему читать цитаты из Салтыкова-Щедрина. А он все слушал и говорил:

– Да... да... Здорово... Отлично...

А потом вдруг сказал:

– Перечти еще раз.

Я обрадовалась, что он согласен со мной, и еще раз прочла. Там был такой отрывок, описание затхлого мещанского быта – скука, половики на скрипучем полу, за окном ветка

белая от зноя, на пустой улице куры возятся в пыли, из кухни запах дыма, самовар ставят и оладьи пекут. Подохнуть можно. А он подумал и говорит:

– Какой великий художник... Чего бы я не дал, чтобы в таком домике пожить. Хоть пару месяцев, что ли, а?

Вот тебе и здравый смысл!»

В позднем рассказе Анчарова «Лошадь на морозе» эта тенденция была доведена до конца. В довольно длинном повествовании, полностью посвященном антимещанской, антиобывательской теме, совсем уже отсутствует «физиологическая ненависть» в стиле «Антимещанской», а мещане представлены нормальными, живыми людьми, у которых только в голове не хватает чего-то обычного, человеческого. Здесь Анчаров допускает даже намек на возможность перевоспитания «заблудших» – в финальном эпизоде рассказа сын с невесткой уже, кажется, искренне пытаются понять своего отца и его друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.